

УДК 327.82

Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов

Ю. С. Чихичин

Чихичин Юрий Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, urchih@mail.ru

В статье рассматриваются особенности переговорного процесса по поводу ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 гг. в контексте целей и задач США. На основе анализа текстов соглашений, американских и украинских программных документов, экспертных оценок воспоминаний государственных деятелей формулируется вывод, согласно которому ядерное разоружение Украины являлось одной из ключевых целей обеих администраций в указанный период.

Ключевые слова: Украина, США, Демократическая партия, Республиканская партия, ядерное разоружение, Программа совместного уменьшения угроз, американско-украинское сотрудничество.

Поступила в редакцию: 16.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Approaches of G. Bush-senior and B. Clinton Administrations to the Problem of Nuclear Disarmament of Ukraine in the Period of 1992–1996

Y. S. Chikhichin

Yury S. Chikhichin, <https://orcid.org/0000-0002-3558-4953>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, urchih@mail.ru

The article analyzes the approaches of G. Bush-senior and B. Clinton administrations to the problem of nuclear disarmament of Ukraine in the period of 1992–1996. The author studies the features of the negotiation process in the context of the goals and objectives of the United States. Based on an analysis of the texts of agreements, American and Ukrainian policy documents, expert assessments and memoirs of statesmen, the author comes to the conclusion that the nuclear disarmament of Ukraine was one of the key issues of both administrations during the indicated period.

Keywords: Ukraine, USA, Democrats, Republicans, nuclear disarmament, Cooperative Threat Reduction Program, US-Ukrainian cooperation.

Received: 16.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>

Достижение консенсуса в вопросе о ядерном разоружении Украины являлось одной из при-

оритетных задач американской политики в ходе первого президентского срока Б. Клинтона. В этом отношении сохранялась преемственность по отношению к линии Дж. Буша-старшего – предыдущая администрация ставила данный вопрос в американско-украинских отношениях на первое место. Несмотря на отдельные голоса скептиков, высказывавшихся в том духе, что наличие у Украины ядерного оружия станет дополнительной защитой от посягательств Москвы, позиция американской администрации была однозначной – разоружение и только разоружение. По мнению госсекретаря Дж. Бейкера, кризис в отношениях между Россией и Украиной, обладающими ядерным вооружением, был бы совершенно не в интересах Вашингтона. Поэтому хранитель «ядерной дубинки» на постсоветском пространстве должен быть один и этим «кем-то» может выступить лишь Россия, так как только ее ресурсов хватит на подобные траты¹.

В данном случае демократы Б. Клинтона выступали единым фронтом с республиканцами Дж. Буша-старшего. Вышедший весной 1993 г. обзор американской политики на Украине не только вторил Дж. Бейкеру в плане приоритетности направлений двустороннего сотрудничества, но и ставил развитие американско-украинских отношений в сфере политики, экономики и безопасности в прямую зависимость от того, насколько быстро и успешно будет решен вопрос о ядерном разоружении Украины. Никто в американском правительстве не ставил приоритетность данной проблемы под сомнение².

Для того чтобы обеспечить достижение Украиной безъядерного статуса, в Вашингтоне были готовы оказать Киеву финансовую поддержку в решении вопроса. Важную роль здесь сыграл американский Конгресс, который 12 декабря 1991 г. принял Программу совместного уменьшения угроз (Cooperative Threat Reduction Program), известную также как Программа Нанна-Лугара, которая подразумевала оказание помощи странам бывшего СССР в ликвидации запасов ядерного, химического и биологического оружия в соответствии с договорами о разоружении. По свидетельству Г. Аллисона, к моменту принятия Программы для слушаний в Конгрессе было уже слишком поздно. Поэтому сенатор от демократов С. Нанн и сенатор от республиканцев Р. Лугар предложили принять Программу в виде поправки к законопроекту о военных ассигнованиях. Согласно поправке с целью утилизации ядерного

вооружения бывшего СССР ежегодно могли быть использованы до \$400 млн из средств, выделенных на оборону США. Первоначально эта идея не встретила понимания у администрации Дж. Буша-старшего и вызвала немало вопросов со стороны американских конгрессменов, однако в итоге ей был дан зеленый свет и поправку приняли подавляющим большинством голосов³.

Принятие Программы Нанна-Лугара свидетельствовало о высочайшей степени значимости, которую придавали в США вопросам ядерного разоружения на постсоветском пространстве. Особую роль здесь играло то обстоятельство, что в данном случае инициатива исходила от представителей Конгресса – органа, традиционно «прижимистого» в отношении и куда меньших сумм. Программа совместного уменьшения угроз стала одним из ключевых инструментов американской политики на Украине в рассматриваемый период, так как давала США возможность увязывать получение военно-технической помощи с определенными условиями. С другой стороны, готовность Вашингтона ежегодно тратить \$400 млн позволяло той же Украине рассчитывать на получение большей доли «пирога» в случае умелого торга, что и было использовано Киевом в ходе переговоров⁴.

Сами переговоры, носящие двусторонний характер, проводившиеся по линии Москва–Киев и Киев–Вашингтон, приобрели тенденцию к превращению в треугольник Москва–Киев–Вашингтон с участием лидеров государств. По свидетельству С. Пайфера, трехсторонний переговорный процесс о ядерном разоружении Украины с участием Москвы, Киева и Вашингтона де-факто стартовал с начала 1992 г. и сопровождался серьезными трудностями. В марте 1992 г., заручившись поддержкой Верховной Рады, Л. Кравчук временно приостановил вывоз тактического ядерного оружия с территории Украины. К концу года данный вопрос удалось решить, однако трудности на этом не закончились.

Весной 1992 г. США и четырем постсоветским республикам, обладающим ядерным оружием, после долгих и трудных переговоров удалось заключить соглашение о передаче России всех арсеналов, находящихся на территории Белоруссии, Украины и Казахстана. Тем не менее вопреки условиям Лиссабонского протокола от 23 мая 1992 г., предписывающего в кратчайшие сроки присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), а также данных в рамках СНГ обязательствах избавиться от ядерного оружия до конца 1994 г., украинское руководство не спешило окончательно расставаться со своим ядерным арсеналом. В письме Дж. Бушу-старшему от 7 мая 1992 г. Л. Кравчук выражал готовность все стратегические наступательные вооружения на территории страны ликвидировать в течение 7 лет. В дальнейшем сроки окончательного достижения Украиной безъядерного статуса сдвигались на 7 лет с момента присоединения к договору о

сокращении наступательных вооружений СНВ-1 (Верховная Рада ратифицировала его 20 ноября 1993 г.) или даже на 14 лет с момента ратификации Лиссабонского протокола (Верховная Рада ратифицировала его 3 февраля 1994 г.). Политика Украины по вопросу разоружения постепенно ужесточалась. На разных уровнях законодательной и исполнительной властей выдвигались предложения оставить в собственном распоряжении часть боеголовок и их носителей, соответствующие изменения вносились в законодательство. Так, министр обороны Украины К. Морозов неоднократно высказывал мысль о необходимости сохранить в распоряжении страны 46 МБР РС-22, пытаясь заручиться поддержкой своих американских коллег. Серьезную обеспокоенность в Вашингтоне вызвала активность Верховной Рады, которая на протяжении 1992–1993 гг. неоднократно принимала законодательные акты, в которых ядерное оружие и инфраструктура, находящиеся на территории Украины, объявлялись исключительной собственностью украинского государства. К таковым актам относились заявление Верховной Рады в апреле 1993 г. и новая внешнеполитическая доктрина Украины, принятая 2 июня 1993 г.⁵

В рассматриваемый период в Украине существовала серьезная оппозиция проводившемуся курсу на ядерное разоружение, однако в первую очередь это относилось к радикально настроенным националистическим кругам, имевшим в Верховной Раде существенное влияние. Применительно к высшим эшелонам исполнительной власти уместнее говорить о предмете торга, в который был превращен безъядерный статус Украины ее руководством. Проявляя несговорчивость в ходе переговорного процесса, Киев увязывал разоружение с экономическими преференциями со стороны Москвы, а также предоставлением экономической помощи и гарантий безопасности со стороны Вашингтона.

К моменту прихода администрации Б. Клинтона в Белый дом консенсуса не удалось достигнуть ни на одном из указанных направлений. Украинское руководство настаивало на увеличении объемов внешней помощи, увязывая их с темпами ядерного разоружения и проведением экономических реформ. Понимания в этом вопросе Л. Кравчуку не удалось найти ни у Дж. Буша-старшего, ни (поначалу) у Б. Клинтона. Администрация Дж. Буша-старшего, во-первых, не имела законченного представления о политике, которую предстояло проводить на постсоветском пространстве: во-вторых, по той же причине ориентировалась на Россию как центральное звено этого пространства: в третьих – не имела достаточно отлаженной и сбалансированной программы оказания помощи, которая к тому же только начинала осуществляться⁶.

В создавшихся условиях Вашингтон пытался соблазнить Украину увеличением помощи в сфере ядерного разоружения. 9 декабря 1992 г. Дж. Буш-

старший предложил Л. Кравчуку форсировать процесс ядерного разоружения Украины в обмен на увеличение объемов помощи до \$175 млн в рамках программы Нанна-Лугара. Однако почти двукратное увеличение доли Украины от общего «пирога» (изначально на украинскую часть программы приходилось около \$90 млн) не возымело желаемого эффекта. Своеобразным ответом на инициативу Дж. Буша-старшего стал меморандум министерства иностранных дел Украины от 11 декабря 1992 г., в котором прямым текстом ставился вопрос о праве собственности на все компоненты ядерных боеголовок, дислоцированных на территории страны. Б. Клинтон же с его изначальной ориентацией на Россию в принципе не был расположен увеличивать объемы помощи, предоставляемой Украине, и лишь отчетливо обозначившаяся к середине 1993 г. угроза тупика в американо-украинских отношениях заставила новую администрацию пересмотреть свои позиции⁷.

Что касается гарантий безопасности, то здесь речь, в первую очередь, шла о пятой статье договора НАТО. В случае распространения на Украину действия данной статьи США обязывались бы принять непосредственное участие в отражении гипотетической агрессии со стороны России. Подобная перспектива не вызывала энтузиазма ни у Дж. Буша-старшего, ни у Б. Клинтона, так как брать на себя ответственность в случае гипотетического российско-украинского конфликта никто не хотел. Кроме того, существовало опасение, что, предоставив Вашингтон Киеву такие гарантии безопасности, на следующий день в Белый дом могла выстроиться очередь, состоявшая из других бывших республик СССР. Исходя из этого, американцы стремились к такому оформлению гарантий безопасности Украине, которое не накладывало бы на Вашингтон конкретных международно-правовых обязательств и не подразумевало бы оказания военной помощи напрямую. Таким способом гарантировать безопасность Украины впоследствии стал Будапештский меморандум, однако до его разработки и принятия необходимо было решить немало проблем⁸. Главной из них стал тупик двусторонних переговоров как по линии Москва–Киев, так и по линии Киев–Вашингтон. Одним из ключевых спорных моментов стал вопрос о компенсации за высокообогащенный ядерный уран (HEU) в передававшихся России боеголовках. Москве и Киеву не удавалось прийти к консенсусу в данном вопросе, а предложение Вашингтона списать часть украинского долга не вызвало у Кремля ни малейшего энтузиазма. Идея обеспечивать украинские АЭС топливными стержнями с низкообогащенным ураном (LEU) была встречена более благосклонно, однако здесь также предстояло решить ряд задач, в частности вопрос с тактическими ядерными боеприпасами, компенсировать которые подобным образом Москва не была готова. 26 января 1993 г. на территории Украины начала работать

специальная комиссия во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом России Ю. Дубининым, однако вопросов оставалось больше, чем ответов. Пробуксовка российско-украинских переговоров о ядерном разоружении Украины внакладку на общий кризис, наметившийся в двусторонних отношениях, заставила Вашингтон несколько сместить акценты в своей политике, начав уделять больше внимания посредничеству в переговорах между Киевом и Москвой, а также углублению американо-украинского сотрудничества. Начиная с мая 1993 г., в администрации Б. Клинтона приходят к выводу о необходимости большего вовлечения в дела Украины и расширения двустороннего взаимодействия⁹.

Пересмотру подверглась также сама стратегия переговоров по ядерному разоружению. Несмотря на давление, оказываемое на украинское руководство, окончательного успеха в переговорах не наблюдалось. Более того, с разных сторон поступали довольно пессимистичные оценки относительно дальнейших перспектив переговорного процесса. В одном из докладов ЦРУ констатировалось, что по состоянию на 1993 г. Украина в большей, нежели год назад, степени оказалась близка к тому, чтобы сохранить в своем распоряжении часть, если не все ядерное оружие бывшего Советского Союза, все еще расположенное на ее территории¹⁰.

Настойчивость администрации Б. Клинтона в «продавливании» вопроса о ядерном разоружении Украины вызывала одобрение далеко не у всех. Критики отмечали, что, стремясь как можно скорее добиться безъядерного статуса Украины, Вашингтон рискует вызвать негативную реакцию Киева и упустить при этом ряд благоприятных возможностей. Эксперты из РЭНД-корпорации Р. Асмус, Р. Куглер, Ф. Лараби в статье «Building new NATO» назвали такой подход контрпродуктивным. По их мнению, вместо окончательного согласия Украины на ликвидацию своих ядерных арсеналов неуместная прыть Вашингтона может привести к обратному эффекту, так что делать ставку на разоружение было бы неразумно. Вместо этого экспертами рекомендовалось расширить перечень направлений сотрудничества; в первую очередь это касалось вопросов, связанных с созданием новой архитектуры безопасности в Восточной Европе.

Авторы статьи полагали, что Запад должен всеми силами противостоять попыткам России восстановить свое влияние на Украине. В противном случае там возобладают тенденции национализма с направленностью на сохранение ядерного оружия. Необходимо также поддерживать Украину на пути европеизации, что означает развитие более тесных связей с Центральной Европой и интеграцию страны в общеевропейские и региональные структуры, снижая тем самым вероятность появления националистического и ксенофобского режима, который будет угрожать соседям, в первую очередь Польше¹¹.

Выстраивание отношений с Украиной являлось одним из шести элементов предлагаемой авторами новой стратегии НАТО, куда, кроме непосредственной трансформации самой роли альянса, входило взаимодействие с Францией, Германией, странами Вышеградской группы и Россией. По мнению экспертов РЭНД-корпорации, независимая Украина является одним из ключевых элементов нового европейского стратегического ландшафта. На фоне неопределенности будущего демократии в России и общего вакуума силы на территории Восточной Европы независимость Украины стала бы лучшей гарантией от восстановления империи под эгидой Москвы¹².

С аналогичных позиций на страницах журнала «Foreign Affairs» позже выступил Зб. Бжезинский. В статье «Преждевременное партнерство» американский политолог высказывался в том смысле, что напряжение, возникшее между Вашингтоном и Киевом по поводу ядерного разоружения, объясняется, с одной стороны, неприкрытым давлением США, а с другой – хитроумной политикой Москвы, которой удалось, играя на американских опасениях (и на очевидном предпочтении американской администрацией контроля над украинским ядерным оружием со стороны России), представить новых лидеров в Киеве в качестве угрозы международной стабильности. При этом очевидные экспансионистские устремления российской администрации в отношении Украины администрацией Б. Клинтона игнорировались. «Выходит, за свою международную изоляцию и ощущаемую от этого уязвимость украинцы должны пенять на собственную неуступчивость в вопросе о ядерном оружии»¹³, – констатировал Зб. Бжезинский.

Американский политолог предлагал сместить акценты с «россицентричности» на более гибкий и реалистичный подход. По его мнению, вопрос ядерного разоружения не должен становиться лакмусовой бумажкой в американо-украинских отношениях; внешнюю помощь следовало распределять более равномерно, причем применительно к России ее получение должно зависеть от того, насколько дружественную политику проводит Москва по отношению к соседним государствам. Ключевой же целью украинской политики США в рамках предлагаемого политологом «геополитического плюрализма» должны стать стабильность и независимость Украины. С точки зрения Зб. Бжезинского, этот вопрос являлся более значимым, нежели ее безъядерный статус. Итоговый вывод по Украине, сделанный в статье, фактически совпадает с аналогичным заключением экспертов РЭНД-корпорации: без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически ею становится¹⁴.

Как бы то ни было, линия, проводимая Вашингтоном на Украине, начала давать сильный побочный эффект в виде роста напряженности

в отношениях между двумя странами. В апреле 1993 г. сорвались переговоры с премьер-министром Украины Л. Кучмой во время его визита в США. Одной из причин этого послужило публичное выражение администрацией Б. Клинтона своего недовольства позицией Украины по вопросам ядерного разоружения. Дальнейшим шагом администрации могли стать санкции, возможность введения которых к тому времени стала открыто обсуждаться в американских органах законодательной и исполнительной власти. Возможно, именно апрельский провал стал последней каплей, заставившей администрацию Б. Клинтона пересмотреть свои позиции и скорректировать баланс между условным «кнутом» (давление и санкции) и условным «пряником» (экономическая помощь и гарантии безопасности) в пользу последнего.

Первым шагом в этом направлении стало заявление С. Тэлбота о готовности администрации Б. Клинтона выделить Украине \$175 млн в случае ратификации ею Договора СНВ-1, датированное 9 мая 1993 г. Второй шаг был сделан летом 1993 г., когда США и Украина провели переговоры на уровне глав оборонных ведомств двух стран, по итогам которых стороны объявили о новом этапе военно-технического сотрудничества. Хорошим подспорьем здесь послужила программа Нанна-Лугара, в рамках которой в дальнейшем удалось значительно расширить взаимодействие в сфере ядерного разоружения. По мнению самого С. Нанна, по-настоящему эффективно данная программа заработала именно во времена Б. Клинтона, так как к ней проявил интерес министр обороны Л. Эспин, а позже поддержал сменивший его на этом посту У. Перри (как и С. Нанн, оба являлись представителями демократической партии)¹⁵. Другое объяснение заключается в том, что США согласились увеличить размеры оказываемой помощи, причем как в рамках программы Нанна-Лугара, так и вне ее. Обе версии имеют право на существование хотя бы потому, что в ходе развития переговорного процесса отчетливо проявились обе тенденции¹⁶.

Летом 1993 г. лидерам России и США удалось договориться о ратификации трехстороннего формата Москва–Киев–Вашингтон. Для этого в августе 1993 г. была создана рабочая группа во главе с заместителем министра иностранных дел России Ю. Мамедовым и С. Тэлботтом. Тогда же комиссией Ю. Дубинина были предоставлены проекты трех соглашений между Россией и Украиной. По свидетельству Ю. Дубинина, американская сторона была не в восторге от намечавшегося взаимопонимания сторон: С. Тэлботт, которому были переданы тексты проектов соглашений, был явно удивлен таким поворотом событий и не выразил ни малейшего удовлетворения по этому поводу. Подобное противоречие (относительно необходимости ядерного разоружения Украины Россия и США были полностью солидарны) можно объяснить тем, что, решив активнее участво-

вать в роли посредника, Вашингтон вознамерился играть в переговорном процессе первую скрипку, получив тем самым дополнительный рычаг влияния. Одновременно с этим, начиная со второй половины 1993 г., активизировались контакты представителей администрации Б. Клинтона с властями Украины: С. Тэлботт и У. Кристофер стали систематически посещать Киев с целью определения основ новых партнерских отношений и обсуждения объемов финансовой помощи Украине со стороны США¹⁷.

Так или иначе на рубеже 1993–1994 гг. в ходе переговорного процесса наметился явный перелом. 25 октября 1993 г. США и Украина подписали соглашение о предоставлении Украине помощи в ликвидации стратегического ядерного оружия, а также предотвращении распространения оружия массового поражения. Однако настоящим прорывом стало подписание Л. Кравчуком, Б. Ельциным и Б. Клинтонем Трехстороннего заявления от 14 января 1994 г., в котором указывались сроки передачи России украинских боеголовок и сроки поставок российских топливных стержней для украинских АЭС в качестве компенсации. В отдельном порядке указывался объем подлежащего списанию долга Украины за высокообогащенный уран в тактических ядерных боеприпасах, вывезенных с территории страны в 1992 г. Смена тактики принесла свои плоды: несмотря на сопротивление парламентской оппозиции и торг со стороны официального Киева, к моменту заключения соглашения вопрос о безъядерном статусе Украины был уже делом решенным¹⁸.

После подписания Трехстороннего заявления процесс ядерного разоружения Украины значительно ускорился. В марте 1994 г. в совместном заявлении президентов США и Украины объявлялось о начале новой эры в двусторонних отношениях. Американская сторона подчеркнула исключительную важность независимости и территориальной целостности украинского государства. При этом США не только подтверждали готовность предоставить Украине \$175 млн в рамках октябрьского соглашения, но и возлагали на себя обязательство выделить на нужды ядерного разоружения Украины такую же сумму в течение 1994–1996 гг. Кроме того, в рамках Акта о поддержке свободы США обещали предоставить Украине уже не \$155 млн, как планировалось изначально, а \$350 млн «в рамках двусторонней экономической помощи для поддержания перехода Украины к рыночно-ориентированной экономике и демократическому обществу»¹⁹.

Параллельно с этим шло расширение американо-украинского сотрудничества как в рамках программы Нанна-Лугара, так и в рамках профильных ведомств. В период 1993–1996 гг. начала реализовываться серия проектов, направленных на демонтаж инфраструктуры ядерных объектов Украины и конверсии ее ВПК. 5 декабря 1993 г. между министерствами обороны обеих стран

было подписано соответствующее соглашение, к которому позже был внесен ряд поправок. По условиям договоренностей американская сторона согласилась поставить Украине оборудование для транспортировки и ликвидации ракет, а также предоставляла консультационную помощь. Объем финансирования в рамках заключенного соглашения составил \$244,7 млн 27 декабря 1995 г. между оборонными ведомствами двух стран было заключено аналогичное дополнительное соглашение, касающееся инфраструктуры ядерных объектов. В соответствии с условиями соглашения министерство обороны США приняло решение оказать Украине помощь в обезвреживании и демонтаже военных объектов, расположенных возле Первомайска и Хмельницкого, а также в ликвидации хранилищ ядерного оружия в Первомайске, Хмельницком, Макарове и Кировограде. Объем помощи в рамках соглашения первоначально составлял \$10 млн; позже, в 1996 г., к указанной сумме добавили \$13,4 млн²⁰.

С указанными соглашениями был косвенно связан проект «Контроль над экспортом» («Export Control»), регламентировавший вопросы финансовой, консультационной и технической помощи в сфере торговли. В качестве одной из ключевых целей проекта был обозначен контроль над передачей оружия массового поражения и связанных с ним технологий. Внимание США к рассматриваемому вопросу было связано с опасением, что научно-технический потенциал Украины в ядерной сфере мог быть использован странами, стремящимися заполучить ядерное оружие. Взаимодействие осуществлялось, начиная с 1995 г., по линии Агентства специальных видов вооружений (Defense Special Weapons Agency). На реализацию проекта было выделено \$13,26 млн.

Важным элементом системы двусторонних договоренностей стало соглашение о конверсии украинского ВПК. Заключенное 21 марта 1994 г., соглашение предусматривало конверсию и приватизацию 33 украинских оборонных предприятий, специализирующихся на производстве оружия массового поражения, а также строительство жилья для демобилизованных офицеров ракетных войск. Со стороны США в рамках программы первоначально было выделено \$40 млн, позднее эта сумма возросла до \$55 млн. Еще один проект «Material Control & Accountability and Physical Protection», направленный на повышение уровня безопасности хранения ядерных материалов, начал реализовываться в апреле 1994 г. и охватывал 4 объекта, объем финансирования составил \$22,5 млн. Это событие являлось итогом реализации программ по ее ядерному разоружению. 4 июня 1996 г. Украина объявила о полном вывозе со своей территории имевшегося у нее оружия массового поражения и о своем безъядерном статусе²¹.

Можно констатировать, что в период 1992–1996 гг. ядерное разоружение Украины

стало одной из ключевых целей политики США. Опасаясь нарушения режима нераспространения и желая сократить запасы оружия массового поражения таким образом, чтобы они оказались в распоряжении одной постсоветской республики вместо четырех, администрация Дж. Буша-старшего, а затем и Б. Клинтона приложила немало усилий для достижения поставленной цели. Несмотря на сопротивление украинского руководства и возросшую напряженность в американо-украинских отношениях, в итоге консенсус все же был достигнут. Решение принципиального вопроса в дальнейшем обусловило активизацию американо-украинского взаимодействия в тех областях, где тесного сотрудничества ранее не наблюдалось.

Примечания

- 1 *Pifer St.* The Eagle and the Trident U. S. Ukraine Relations in Turbulent Times. Washington : Brookings Institution Press, 2017. P. 40–41.
- 2 *Ibid.*
- 3 *Nunn S.* «We choose between cooperation and disaster» (Interview with Stanton Nuclear Safety Foundation scholar M. Bugerin). inosmi.ru. URL: <https://inosmi.ru/social/20170627/239681212.html> (дата обращения: 23.09.2019).
- 4 См.: *Кондратюк Е. А.* Проблема ядерного разоружения Украины и американская дипломатия (1991–2004). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-yadernogo-razoruzheniya-ukrainy-i-amerikanskaya-diplomatiya-1991-1994> (дата обращения: 26.09.2019).
- 5 *Pifer St.* Op. cit. P. 48.
- 6 *Ibid.* P. 33.
- 7 См.: *Александрия О. М.* Проблема ядерного наследства СССР : к 20-летию подписания Лиссабонского протокола // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 4. С. 154.
- 8 *Pifer St.* Op. cit. P. 48.
- 9 *Ibid.* P. 52.
- 10 *Smith R. J., Sun L., Oberdorfer B.* Officials See Shift in Ukraine's Nuclear Position // The Washington Post, December, 19, 1992.
- 11 *Richard L. Kugler F., Larrabee S.* Building a new NATO // Foreign Affairs. 1993. № 9(10). P. 37–38.
- 12 *Ibid.*
- 13 *Bzhezinskiy Z.* The Premature Partnership // Foreign Affairs. Vol. 73, № 2, March/April 1994. P. 71.
- 14 *Ibid.*
- 15 *Nunn S.* Op. cit.
- 16 См.: *Кондратюк Е. А.* Указ. соч.
- 17 См.: *Дубинин Ю. В.* Дипломатический марафон. М. : АВИАРУС-XXI, 2005. С. 67–68.
- 18 *Pifer St.* Op. cit. P. 62.
- 19 *Ibid.* P. 64.
- 20 The Cooperative Threat Reduction Assistance to Ukraine. Cooperative Threat Reduction Program, Department of Defense. URL: <http://www.bits.de/NRANEU/START/documents/ctrukrain.pdf> (дата обращения: 29.09.2019).
- 21 *Ibid.*

Образец для цитирования:

Чихичин Ю. С. Подходы администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона к проблеме ядерного разоружения Украины в период 1992–1996 годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 221–226. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>

Cite this article as:

Chikhichin Y. S. Approaches of G. Bush-senior and B. Clinton Administrations to the Problem of Nuclear Disarmament of Ukraine in the Period of 1992–1996. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 221–226 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-221-226>